

Расчёты

Сюй Чунь покинул свою резиденцию и, даже не заезжая в резиденцию князя, направился напрямик в квартал Бамбуковых Ветвей. Однако его ждало разочарование. Люшунь, опустив руки, доложил:

— Наш Девятый господин сказал, что слишком долго отсутствовал дома. Теперь, когда с глазами стало лучше, он решил вернуться и заняться домашними делами. Сказал, что придёт через несколько дней, когда будет время.

Сюй Чунь окинул взглядом комнату. Вещей, которые принесли с собой Уфу и Люшунь для Девятого братца, уже не было. Хотя он и знал, что эти двое слуг всегда были расторопны, на душе всё равно стало пусто. Он понимал, что, как только Девятый братец поправится, он не станет здесь больше жить. Но ведь за ним, кажется, охотились. Не попадёт ли он в новую опасность, вернувшись домой?

Но... Девятый братец ему не доверял. Он до сих пор не знал, где тот живёт, из-за чего печалится и каких врагов нажил, что вынужден скрываться, отказываясь от его помощи. Те несколько дней, что он провёл рядом с ним, были лишь счастливой случайностью.

Он протянул свёрток Люшуню.

— Прошу, передай это Девятому братцу. Скажи... сегодня случайно достал эту накидку, цвет ему очень идёт. Погода ещё холодная, пусть бережёт себя.

Люшунь принял свёрток с улыбкой.

— Хорошо, я обязательно передам. Наш Девятый господин сказал, что когда вернётся, непременно проверит домашнее задание наследника. Так что просил вас не лениться.

— Наставления Девятого братца я, конечно, буду выполнять, — уныло ответил Сюй Чунь. — Когда он придёт, пусть в любое время пришлёт человека сказать. Если что-то понадобится или нужен будет лекарь Чжоу, тоже пусть передаст.

— Слушаюсь, — с улыбкой ответил Люшунь.

Сюй Чунь велел Чуньси наградить его, но Люшунь наотрез отказался, собрал оставшиеся вещи и ушёл.

Сюй Чунь не ожидал, что Девятый братец уйдёт так внезапно. На душе было пусто. Вспомнив,

что он ещё не доложил матери о деле двоюродного брата, он понуро отправился в резиденцию.

На следующий день Сюй Чунь лично встретил Шэн Чанчжоу и проводил его в резиденцию. Тот сначала засвидетельствовал своё почтение старой госпоже и госпоже Шэн, преподнёс подарки, а затем был представлен князю Цзин. После этого князь велел Сюй Гу и Сюй Чуню развлекать гостя.

Сюй Чунь повёл Шэн Чанчжоу в свой двор, велел накрыть небольшой стол в тёплом павильоне. После нескольких чарок вина Сюй Гу, немного посидев, откланялся. Вскоре и госпожа Шэн, управившись с делами у старой госпожи, поспешила к ним.

Шэн Чанчжоу встал и поклонился. После взаимных приветствий и расспросов о здоровье родных, госпожа Шэн с покрасневшими глазами сказала:

— Чанчжоу, не стесняйся. Раз уж приехал в столицу, оставайся подольше. Пусть Юлинь покажет тебе город. А ты, в свою очередь, наставляй своего младшего брата.

— Что вы, тётушка, — улыбнулся Шэн Чанчжоу. — Юлинь так вырос, держится с достоинством. Вчера я с ним говорил, и мне показалось, что я уже уступаю ему в познаниях. А как он почтителен к вам! Дедушка, узнав об этом, непременно обрадуется.

— Лишь бы был здоров и спокоен, — улыбнулась госпожа Шэн. — Ах, я совсем забыла. Недавно мне привезли несколько альбомов с новыми красивыми узорами. Я как раз велела их собрать, чтобы ты отвёз своей жене. Чунь-гэ, сходи в мои покои и вели Цинцян принести их.

Сюй Чунь согласился и вышел. Он пришёл во двор госпожи Шэн. Цинцян, старшая служанка его матери, тоже была из семьи Шэн. Увидев Сюй Чуня и услышав, что он пришёл за узорами, она удивилась и с улыбкой сказала:

— Наследник, возвращайтесь, я найду и сама отнесу их старшему господину.

Сюй Чунь сел и, не двигаясь с места, стал пить чай.

— Не торопись, сестрица. У матушки, должно быть, есть какой-то тайный разговор с братом, вот она и нашла предлог меня выпроводить. Разве в семье Шэн нет своих узоров, чтобы посылать меня за ними?

Цинцян рассмеялась.

— Наследник слишком умён. Как же нам, слугам, теперь быть? От вас ничего не скроешь.

— Сестрица — самая умная и способная из всех служанок матушки, к чему такая скромность?

Сестрица, мне нужен очень толковый управляющий. Не подыщешь ли мне кого-нибудь, когда будет время?

Цинцян, прикрыв рот рукой, улыбнулась.

— Если наследнику нужен управляющий, стоит лишь сказать госпоже, и она найдёт вам сколько угодно толковых людей. Куда уж мне.

— У матушки и так дел по горло с её счетами, — ответил Сюй Чунь. — Не хочу беспокоить её по таким пустякам. Да и не смею я отбирать у неё лучших людей. Они придут ко мне с неохотой, и толку не будет. Лучше ты, сестрица, присмотришь, кто из смышлёных есть, и шепни мне потихоньку.

— Есть несколько человек на примете, — сказала Цинцян. — Раз наследник просит, я присмотрюсь к ним, когда будет время.

— Благодарю, сестрица, — улыбнулся Сюй Чунь. — Когда дело сладится, приглашу тебя в новый театр.

Он поднял голову и увидел, как в комнату с корзинкой вошла другая старшая служанка, Байби. Увидев его, она удивилась.

— Разве не приехал двоюродный господин? Почему наследник не с ним, а здесь?

— Ещё одна меня гонит, — рассмеялась Цинцян. — Госпожа сейчас разговаривает с двоюродным господином. Наверное, о каких-то делах, которые он должен передать почтенному господину. Наследник так редко к нам заходит, а ты, сестрица Байби, вместо того чтобы принести хороший чай...

Сюй Чунь понял, что Цинцян таким образом мягко объясняет, почему мать говорит с племянником наедине, чтобы у него не возникло обиды. Он улыбнулся.

— Любой чай, заваренный сестрицей Байби, — хороший.

— Какой хороший чай не подают сначала наследнику на выбор? — сказала Байби. — По-моему, наследнику лучше поскорее вернуться. Я мельком слышала, что сегодня, когда приехал двоюродный господин, вторая и третья барышни подглядывали за ним из-за ширмы и, кажется, он им приглянулся. А потом наложницы Чжоу и Сун одна за другой пошли к старой госпоже засвидетельствовать почтение. Да так неловко столкнулись. Обе смутились. Пробормотали что-то о приветствии, но в итоге госпожа Сун не выдержала и спросила, не сосватан ли уже приехавший двоюродный господин из семьи Шэн. Старая госпожа глуховата, не расслышала. Наложницы постеснялись повторить. А Чжофу, служанка старой госпожи, потом со смехом мне рассказывала. Я-то сразу поняла, что они нацелились на нашу семью Шэн.

Цинцзянь крайне удивилась и, рассмеявшись, сказала:

— Если эти две наложницы действительно этого хотят, им следовало бы к нашей госпоже подлизываться, а не к старой госпоже бежать. Старая госпожа целыми днями твердит, что семья Шэн — купеческая, и что вторую и третью барышень нужно выдавать замуж за учёных. Даже если барышням и приглянулся двоюродный господин, а наложницам нужны деньги, старая госпожа никогда на это не согласится, верно?

— В этой резиденции, когда нужны деньги, вспоминают о нашей госпоже, — холодно усмехнулась Байби, — а в остальное время бегут заискивать перед старой госпожой. Они, конечно, думают, что если старая госпожа прикажет, наша госпожа подчинится. Вот и ищут новый источник наживы, хе-хе.

— Что это ты вдруг тоже стала называть её «госпожой»? — рассмеялась Цинцзянь, незаметно подавая Байби знаки, чтобы та перестала осуждать хозяев.

— Когда я только пришла служить к госпоже, — холодно ответила Байби, — я была ещё маленькой. Видела, как слуги в резиденции называют ту, госпожу Бай, «первой госпожой», и я тоже стала называть нашу «второй госпожой». Так меня кормилица старшей барышни так высмеяла! Сказала, что «госпожой» можно называть только ту, у которой есть пожалованный титул и которой больше тридцати лет. И что вторая госпожа, хоть и супруга князя, пока не получит титул, не имеет права так называться. А теперь, когда наш молодой господин добился для нашей госпожи титула, я нарочно буду называть её «второй госпожой» им назло, пусть эти мелюзги злятся!

Тут даже Сюй Чунь не выдержал и рассмеялся.

— У сестрицы Байби такой крутой нрав. Присядь, выпей чаю.

— А молодой господин лучше бы подумал, как помочь, — сверкнула она на него глазами, — и предупредил двоюродного господина.

— Двоюродный брат ещё не женат, — сказал Сюй Чунь, — но дедушка и дядя с тётёй наверняка уже всё решили. К тому же, матушка точно не согласится. А если она не согласится, им за него не выйти. В конце концов, она их законная мать.

— Боюсь, старая госпожа опять притворится больной, — сказала Байби.

— За все эти годы, если матушка что-то решила, разве бабушке хоть раз удалось заставить её уступить? Я помню, когда бабушка хотела забрать сестрицу к себе в услужение, матушка разом купила ей четырёх старших служанок и не уступила. И когда тётушка со стороны отца хотела пристроить своего племянника в наш Зал Жун-цин, матушка тоже не поддавалась.

— Молодой господин ещё не знает, — холодно усмехнулась Байби. — Когда госпожа только вышла замуж, старая госпожа не разрешала ей выходить из дома и заниматься делами. А наша госпожа ответила прямо: «Семья Шэн ради моего замужества в столице в качестве приданого дала пятнадцать лавок, банков и поместий. Но управлять ими должна я. Иначе семье придётся прислать сюда племянников для надзора. Если старая госпожа непременно хочет держать меня дома, мне ничего не остаётся, как сказать родным, чтобы прислали племянника принять дела».

Сюй Чунь впервые слышал об этом и с любопытством спросил:

— И что было дальше?

— Старая госпожа, конечно, не захотела упускать такую выгоду, — ответила Байби, — и сказала, что пришлёт своего доверенного человека помогать госпоже. Но тот не проработал и нескольких дней, как украл пятьсот лянов серебра, тайком продал хозяйское поместье и сбежал. Позже его поймали, и старая госпожа потеряла лицо. Больше она никогда не заговаривала о том, чтобы присылать своих людей.

— Но ведь это был потомственный слуга княжеской резиденции, — удивился Сюй Чунь. — Неужели у него такие короткие взгляды?

— Конечно, это госпожа нашла способ, — усмехнулась Байби.

Сюй Чунь стал расспрашивать подробности, и Байби с Цинцянью принялись ему рассказывать. В разгар их беседы вошла матушка Хуа. Увидев Сюй Чуня, она с улыбкой сказала:

— Наследник пришёл, у госпожи есть какие-то поручения? А вы, две девицы, вместо того чтобы делом заниматься, сидите тут языками чешете. Живо исполняйте поручения наследника!

— Матушка, не ругайте их, — встал Сюй Чунь. — Это матушка с двоюродным братом о чём-то своём говорят. Я пришёл за узорами и уже ухожу. А вы откуда?

— Только что от князя, — ответила матушка Хуа. — Он позвал меня и стал намёками расспрашивать, не сосватан ли уже господин Чанчжоу. Я сделала вид, что не понимаю, сказала, что вроде бы несколько лет назад слышала, будто ему подыскали невесту в области Минь, но точно не знаю, нужно спросить у госпожи.

— Это какая-то из наложниц напела князю в уши, — рассмеялась Байби. — Похоже, нашему господину мало того, что у него есть наша госпожа в качестве дойной коровы, теперь он ещё и в свёкры к главе семьи Шэн набивается.

Матушка Хуа изменилась в лице, взглянула на Сюй Чуня и одёрнула Байби:

— Как ты смеешь осуждать хозяина?

— Матушка, не вините их, — усмехнулся Сюй Чунь. — Думаю, у отца и вправду могла возникнуть такая мысль. Позже вы хорошенько поговорите с матушкой, пусть она мягко откажет.

Он встал, взял свёрток с узорами и, перекинувшись ещё парой слов с Цинцянь, ушёл.

Матушка Хуа проводила его и, убедившись, что молодая служанка ушла следом, вернулась и, нахмурившись, сказала Байби:

— Я вам сто раз говорила, не смейте при молодом наследнике дурно говорить о князе. А вы всё мимо ушей пропускаете. Вот доложу госпоже, она вас как следует накажет!

— К чему это притворство, матушка? — холодно ответила Байби. — Разве наследник не знает, каков князь? Вся столица наслышана о его беспутствах. Весь двор полон наложниц, незаконнорождённых сыновей и дочерей. Думаю, наследник всё прекрасно понимает.

— Что вы понимаете? — рассердилась матушка Хуа. — Как бы то ни было, это его родной отец, одна кровь, одна фамилия. Когда он унаследует титул, повзрослеет, они с отцом будут заодно. Он отдалится от госпожи и обвинит вас, коварных слуг, в том, что вы их ссорили. Тогда он вас либо забьёт до смерти, либо продаст — и слова не скажет. В столице убить слугу — дело пустяковое, достаточно подать записку в управу. К тому же, есть ещё старая госпожа и первая госпожа. Беда приходит от языка, потом не говорите, что я вас не предупреждала!

— Матушка, не сердитесь, — вмешалась Цинцянь, пытаясь их примирить. — Наследник всё прекрасно понимает. Он занимается своими делами за пределами резиденции, ничего не скрывая от госпожи, но князю ничего не говорит. А при встрече с князем всегда почтителен, хотя это лишь слова. Думаю, наследник очень умён и в душе на стороне нашей госпожи.

— Что вы понимаете, госпожа и наследник... — вздохнула матушка Хуа. На её лице отразилась какая-то боль, но она не договорила. — Сегодня князь спросил меня: если второй господин может так легко выложить сто тысяч лянов серебра, то господин Чанчжоу, как старший внук и наследник, должно быть, ещё щедрее. Не знает ли он, нет ли у него какого-нибудь выгодного дела, куда и он мог бы вложить долю.

— Что я говорила, — усмехнулась Байби. — Его расчёты слышны за версту.

— Госпоже и так нелегко, — сказала матушка Хуа. — Можете вы хоть немного помалкивать?

— Матушка, не нужно всё время говорить о наследнике так, будто он чужой, — отвернувшись, сказала Байби. — Наследник очень сочувствует госпоже. И госпожа для наследника ничего не жалеет. Я не верю, что наследник когда-нибудь станет неблагодарным. Хоть мы и позже

пришли служить к госпоже и не росли с ней вместе, как вы, я знаю одно: вы, матушка, со своей вечной осторожностью, на самом деле относитесь к наследнику как к чужому, как к члену семьи Сюй, и остерегаетесь его. Думаю, вот это и ранит наследника по-настоящему!

Матушка Хуа стояла ошеломлённая и долго не могла вымолвить ни слова. Наконец, она сказала Цинцзянь:

— Что вы понимаете! — она топнула ногой.

Цинцзянь, видя, что за этим что-то кроется, спросила:

— Мне кажется, Байби права. Между матерью и сыном не должно быть обид. Если есть какое-то недопонимание, лучше разрешить его поскорее.

— Вы молодые, не знаете, как тяжело пришлось госпоже, — с тоской покачала головой матушка Хуа. — Потом расскажу.

<http://bllate.org/book/16990/1585463>